

© Лунина И.Е.

«СЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ» ДЖ. ЛОНДОНА В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МЕЖРАСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Проблема межрасовых отношений как важная составляющая процесса развития цивилизации является одной из важных в «Северных рассказах» Дж. Лондона. Автор статьи акцентирует внимание на идейно-художественном звучании рассказов, системе образов и художественных средств выразительности в связи избранным аспектом анализа.

Ключевые слова: Джек Лондон, американская литература, «Северные рассказы», межрасовые отношения.

© I. Lounina

J. LONDON'S « NORTHERN STORIES » IN THE CONTEXT JUDGEMENTS OF THE PROBLEM OF INTERRACIAL RELATIONS

Abstract. The problem of interracial relations as the important component of development of a civilization is one of important in « Northern stories » J. London. The author of article brings to a focus to ideological – art sounding of stories, system of images and art means of expressiveness in connection by the elected aspect of the analysis.

Key words: Jack London, the American literature, «Northern stories», interracial attitudes.

На протяжении всего творческого пути Лондон сохранял интерес к теме Севера. Пребывание писателя на Аляске (1897-1898 гг.) дало неоценимый материал для его первых литературных произведений – рассказов, традиционно в отечественном литературоведении называемых «Северными рассказами», составивших сборники «Сын Волка» (1900), «Бог его отцов» (1901), «Дети мороза» (1902), «Мужская верность» (1904), «Любовь к жизни» (1907) «Потерявший лицо» (1910), «Смок Белью» (1912). Подобно тому, как «в философии золотоискательства Брет Гарт сумел разглядеть метафору исторического движения нации...» [2, 314], Лондон сумел разглядеть метафору путей развития цивилизации в теме нового, «северного», «экзотического» [7, 51] фронта. Главным объектом наблюдений писателя на Клондайке был, безусловно, человек: тот, кто пришел на Север (белый человек – англосакс, швед, русский, француз), и тот, кто исконно проживал на этой земле (индеец, эскимос – носители этнической культуры). Для Лондона, соединившего романтический и реалистический ракурс изображения в «Северных рассказах», именно человек становится центральным, фокусирующим началом, позволившим обозначить и художественно отобразить актуальные проблемы современности, концентрировавшиеся вокруг центральной – процесса формирования новой цивилизационной формации в момент «встречи» двух различных рас, культур.

Объективность изображаемому в рассказах придает наличие трех точек зрения на события: взгляд белого человека «со стороны», сохраняющего внутреннюю связь с оставленным миром цивилизации Больших городов; взгляд белого человека «изнутри», вписавшегося в новую для него систему жизненных отношений (*outside* и *inside* [7, 55-56]); взгляд аборигена – индейца, эскимоса. У каждого из них, очевидно, свое восприятие происходящего, создающее полифоническую картину жизни на «уровне сопоставления

взаимно исключаящих субъективно-индивидуальных миров персонажей, существующих в одной и той же жизненной реальности» [1, 161]. Из сопряжения этих позиций становится понятным авторское видение сложности, диалектичности происходящего процесса формирования новой цивилизационной формации, возникающей на стыке цивилизации белых людей и самобытной этнической формации народов Севера.

В рассказе «Сын Волка» Лондон представил неизбежный и необратимый характер прихода белых людей в мир индейцев. Противостояние Бирюка Маккензи, «пионера, осваивателя земель» [3, т. 1, 56], и индейцев – это противостояние двух рас. Индейцы видят в ситуации угрозу своему будущему: «...Волк не пара Ворону» [3, т. 1, 56]. Опираясь традиционными образами индейской мифологии, Лондон демонстрирует хорошее её знание, мастерство в создании особого внутреннего поэтического пространства, передавая атмосферу самобытной жизни индейского племени. Дж.Ауэрбах дает высокую оценку знаниям Лондона в данной области: «...мы серьезно рассматриваем вклад Лондона в теорию тотемизма, специфики родовой жизни и поведения в перспективе развития этнографии на рубеже веков» [7, 53]. «Ворон» и «Волк» в данном контексте воспринимаются как метафоры, раскрывающие суть возникающего на территории Севера конфликта. Ворон для многих индейских племен символизирует мудрость, является прародителем индейских родов; волк в мифологии большинства народов Европы, в библейской мифологии – символ хищника, свирепого врага, лжепророк [5, 95]. В рассказе в интерпретации шамана ворон – «воплощение мирного созидательного начала», волк – «воплощение начала воинственного и разрушительного» [3, 64]. Свою связь с родом ощущают и Макензи (в этом его сила), и индейцы, скорбящие об утрате традиций отцов. Мысль о необходимости следовать закону жизни рода, верности идеалам отцов как условию силы рода, выживания прослеживается во многих рассказах писателя индейской тематики. Лондон, безусловно, на стороне аборигенов Севера: его критическое отношение к внешним «благам» цивилизации очевидно. Но не менее очевидна его уверенность в необратимости поступательного хода истории.

В рассказе «Лига стариков» противостояние двух сил мы видим глазами старика-индейца Имбера. Если в рассказе «Сын Волка» события отнесены к началу эпопеи покорения Севера белой расой, то здесь мы видим историческое продолжение, некий промежуточный результат. То, что в первом рассказе было определено автором как «закон Волка», здесь предстает как «закон англосаксов», который автор характеризует как жестокий и неотвратимый закон. По словам Лондона, «голос миллионов в голосе старого Имбера, и слезы и печали миллионов в его голосе, когда он рассказывает свою историю; его история представляет всю полноту трагедии отношений индейцев и белого человека» [9, 91]. В рассказе индейца предстают все этапы постепенного вырождения племени. Самое страшное он видит в нарушении связи времен; вред цивилизации белых людей – в разращении молодых индейцев, которые «забыли о долге уважения к старшим...» [3, 469]. Усилия старшего поколения, их военное сопротивление силе нового Закона оказались бессмысленными – Имбер признает это как *закон жизни*. Так и не поняв, в чем сила белых людей, он с присущей индейцам мудростью осознает, что их приход на Север – неизбежное развитие жизни.

Соппротивление индейцев насильственному внедрению чуждых им идеалов, на первый взгляд, соответствующее общепринятому в обществе того времени представлению об индейцах как «кровожадных дикарях», интерпретируется писателем как ответная реакция свободолюбивых и независимых людей, выступающих на защиту собственного уклада жизни, своих законов и верований. В рассказе «Потерявший лицо» Лондон объясняет жестокость индейцев агрессивностью белых, приводя публицистически точное описание их деятельности на Аляске. Устами своего героя, Субьенкова, вспоминающего

свой путь в Америку, автор высказывает мысль о том, что любая власть враждебна человеку; завоевание новых экономических пространств неизбежно сопровождается кровопролитием, и в этом процессе едины все национальности: «...то был кровавый посев, а теперь пришла пора жатвы» [3, т. 3, 323]. Частная история благодаря позиции автора, представленной в размышлениях героя, разворачивается в масштабную картину трагического и неизбежного хода развития цивилизации.

Наиболее остро последствия вторжения цивилизации белых людей в мир аборигенов Севера проявляются, в восприятии Лондона, в сфере вторжения в *духовный* мир индейцев и эскимосов. В рассказе «Бог его отцов» конфликт между белыми пришельцами и индейцами построен на мотиве противопоставления различных представлений о вере, традициях. Метис Батист, вспоминая свое прошлое, обвиняет церковь в том, что по ее вине его руки «обогрены кровью» [3, т. 1, 189]. Приход белых на их землю он воспринимает как появление «чужих богов», противостояние которому видит только в форме насильственного сопротивления. Антитеза – трусость миссионера Оуэна, прикрывающегося ничем не значащими религиозными постулатами, и храбрость Батиста, черпающего силы в преданности исконной вере своих отцов, отвага Хэя Стокарда, осознающего истоки своей силы в верности лучшим традициям англосаксонской расы – позволяет Лондону в остро драматичном повествовании представить трагедию колонизации Севера.

Встреча двух рас актуализирует вопрос о необходимости найти путь к *взаимопониманию* – без этого невозможен мирный (это важно для Лондона) путь развития цивилизации. Рассказ «Обычай белого человека» повествует, на первый взгляд, о судьбе одной индейской семьи. Но в подтексте легко прочитывается трагедия всего народа. Грустная авторская ирония позволяет понять: белые люди непонятны индейцам; их законы, рожденные долгими веками цивилизации, далекой от естественного, природного, течения жизни индейцев, чужды им: «Так поступает белый человек, и нам его не понять» [3, т. 3, 254]. Лондон акцентирует внимание на важном, с его точки зрения, аспекте: конфликт двух рас в условиях проникновения цивилизации в мир иных этносов – это, среди прочего, различие в понимании сути того, что называют Законом: для индейцев – законы жизни, природы; для белых людей – законы цивилизации, сформированные долгими годами ее развития. Мир Севера формирует у белых пришельцев (тех, кто учится у Севера) понимание того, какой закон можно назвать правильным, истинным. Остающиеся глухими к голосу Севера, продолжающие следовать законам цивилизации (в том числе и извращенному буржуазными отношениями в мире Больших городов закону выживания) обречены на смерть. Этой проблеме посвящены рассказы «Человек со шрамом», «Тысяча дюжин», «В далеком краю», «Мужская верность», «Любовь к жизни» и др.

Ряд «Северных рассказов» воссоздает особый мир индейцев – в совокупности их представлений о жизни, обычаях, традициях, верований и законов. Глубокое проникновение автора в этот мир поражает тем, насколько начинающий писатель смог точно постичь саму душу чужой расы: «Джек считал, что если он мог научиться анализировать душевное содержание каждого человека и подвести его к свету поверхностного состояния, он мог бы анализировать также и душу расы и проследить её в глубину веков, до самого темного её истока» [4, 127]. Лондон стремился показать то, с чем пришли две расы навстречу друг другу и что они должны взять друг у друга в процессе важного и длительного контакта, являющего собой новую фазу исторического развития цивилизации. В большинстве подобных рассказов повествователями выступают индейцы, зачастую старики – воплощение мудрости, хранители священных традиций, те, кто сохраняет связь с обычаями племени. В рассказе «Закон жизни» основной закон жизни индейцев представлен через восприятие старого индейца Коскуша. В рассказе «Болезнь одинокого вождя» два старика – Одинокий Вождь и Мутсак, сокрушаясь о необратимости перемен,

воссоздают в своих воспоминаниях прежний мир индейской жизни. Вождь рассказывает о том, как выбирали ему жену (продолжение рода важно для индейцев), о своей тяжелой болезни и готовности умереть (отношение индейцев к смерти как естественному закону жизни), описывает ритуал погребения. Он знакомит нас и с важной чертой индейского сознания: сколь значимы для индейцев понятия чести, военной доблести. Важность следовать традициям и закону жизни, установленному отцами, как основа жизни индейского племени раскрыта в рассказе «Сказание о Кише», воссоздающем форму легенды, предания. Киш – воплощение верности обычаям отцов, идеи справедливости, высшего понимания чести. Автор передает своеобразие менталитета аборигенов: мистическую настроенность, мифологическое мышление; выявляет сходство с менталитетом цивилизованных рас: борьба за власть как неизбежное начало в организации общественных отношений присуща и тем и другим.

Процесс проникновения цивилизации на Север неизбежно приводит к постановке вопроса о *сосуществовании и смешении рас*, порождающего проблему *выбора* жизненного пути для отдельного человека и расы в целом. Это становится лейтмотивной темой «Северных рассказов». И белые и аборигены осознают свое генетическое, кровное родство со своей расой – в этом Лондон видит важную точку соприкосновения разных этносов. Память рода, память крови определяет их поступки, влияет на их выбор. Герои рассказов способны преодолеть инерцию расовых стереотипов, тем самым – инерцию натуралистической предопределенности. Выбор осуществляется в сфере интеллектуального осмысления происходящего (сопоставление двух различных образов жизни, показ преимуществ цивилизации, изображение самобытности народов Севера) и в сфере нравственного чувства (через оценку нравственной позиции представителей другой расы, описание эмоциональной сферы жизни и индейцев и белых).

В «Северных рассказах» индейцы и эскимосы делятся на тех, кто принимает все то лучшее, что принесли с собой на Север белые люди, ясно осознавая положительные стороны цивилизации, и тех, кто продолжает слепо следовать законам этноса, не понимая необратимости исторического процесса. Безусловно, ключевой фигурой в рассказах является индеец Ситка Чарли, который говорит о себе: «...в моих жилах течет красная кровь сивашей, но сердце у меня белое... Я стал судить о людях и о делах их так, как вы, и думать по-вашему» [3, т. 1, 267]. Выполняя (среди прочего) функцию персонажа, «соединяющего» два мира, в своем имени-прозвище он (как Мэлюмит Кид, Бирюк Макензи) соединяет две части, являющиеся «косвеннохарактеристическими поэтонимами» [6, 23]: Ситка – город на юго-востоке Аляски на о. Баранова, основанный русскими в 1799 г.; Чарли – традиционное английское имя. В рассказе «Мудрость снежной тропы» он противопоставлен индейцам, в отличие от которых, «поняв закон белых, ... усвоил его лучше любого белого человека» [3, т. 1, 127]. Восприятие цивилизации «со стороны», глазами Ситки Чарли чрезвычайно важно: его, как и героя Брет Гарта Юбу Билла можно назвать «наблюдателем человеческих судеб и натур» [2, 324].

В ряде рассказов Лондона представители коренных народов Севера делают выбор вследствие своего пребывания в мире Больших городов. Рассказ Нам-Бока («Нам-Боклжец»), считавшегося многие годы погибшим, о далекой стране белых людей вызывает искреннее недоверие бывших соплеменников. Да и сам он стал другим, утратив связь с прежней жизнью. Идея рассказа определяется на двух уровнях: как трагедия отдельной личности, выламывающейся из системы традиционных племенных отношений этноса, и трагедия самого племени (шире – этноса), не способного быть открытым новому, что является препятствием на пути прогресса. Долгие странствия Нааса («Северная одиссея») в поисках жены, похищенной белым «пришельцем», позволили ему узнать большой мир. Из них он вынес уверенность в несовпадении взглядов и обычаев белых людей и его на-

рода. Не приняв мира цивилизации, он так же, как Нам-Бок, утратил связь с прежним миром родовых отношений. Иная интерпретация темы представлена в рассказе «История Джис-Ук». Выбор, который делает героиня, определяется чувством любви, понимаемой Лондоном в качестве великой преобразующей жизнь на земле силы, важного фактора в развитии цивилизации. Джис-Ук, в силу смешанной крови, предстает как образ символический: то, о чем речь идет в рассказе, выходит за рамки повествования о контакте индейской и англо-саксонской рас, это взгляд на проблему межрасовых отношений в целом. Любовь Джис-Ук к Боннеру меняет её. Позже, когда Джис-Ук с их маленьким сыном разыщет Боннера в Калифорнии, он, белый человек, живущий по законам цивилизации, получит урок истинного благородства от женщины, живущей по законам природы, – тогда «момент истины» наступит и для него. После своего путешествия в цивилизованном мире Джис-Ук меняется окончательно: то, что прежде она осознавала на чувственном уровне, теперь *осмысливается* ею как непреложная истина; она становится «проводником» цивилизации в мире Севера, изменив не только свою жизнь, но и жизнь своего рода. Взгляд Лондона в будущее цивилизации на Севере как формы плодотворного сотрудничества и взаимного духовного обогащения рас представляется весьма показательным для обоснования утверждения о преодолении писателем его точки зрения, выраженной в высказываниях по вопросу о «чистоте расы» как факторе развития цивилизации [8, 1533]. Следуя любви как высшему закону жизни, свой выбор в пользу белой расы (точнее «белого мужа») делает Унга («Северная Одиссея», «Мужество женщины»), Заринка («Сын Волка»), Лит-Лит («Замужество Лит-Лит») – для индианок, жен белых людей, выбор в пользу новой жизни необратим; это осознают и они сами и отчасти их мужья («Белое безмолвие»).

Белая женщина и индианка в рассказах Лондона предстают, прежде всего, в своей женской сути – как воплощение великой силы созидания жизни, уравнивающей их перед лицом истории в силу приоритета всеобщих законов природы, законов жизни. Именно женщины, с точки зрения писателя, играют особую роль в формировании новых отношений в системе контакта двух миров, следовательно – в рождении новой цивилизационной формации. В рассказе «Сивашка» сопоставлены образы белой женщины и индианки, одинаково обнаруживающих силу духа, стойкость в экстремальных условиях. Пафос заключительных слов героя рассказа, выражающих авторскую позицию, позволяет говорить о способности Лондона сделать свой выбор в пользу приоритета общечеловеческого начала перед расовыми различиями: «Это есть и в тебе, и во мне, Томми, и это – наследие наших матерей» [3, т. 1, 242] .

В ряде рассказов герои, носители устоявшихся норм цивилизации, также делают свой выбор – в пользу признания положительных сторон жизни индейцев, видя в их укладе альтернативу негативным сторонам жизни в цивилизованном мире. Для Дэвида Пэйна («Великая загадка») это не просто выбор между страстью и чувством – между двух миров (цивилизации и естественной жизни индейцев). Эрфакс («В дебрях Севера»), живущий в индейском племени пять лет, чувствуя гармоничность этой жизни, не порвал внутренней связи с привычным миром цивилизации. Окончательный выбор дается ему непросто, в отличие от выбора, сделанного его женой Тум, осознающей себя частью жизни мужа. И белые и индейцы в своих поступках руководствуются зовом крови, который преодолеть сложно – писатель это в полной мере осознает. Отсутствие единства среди индейцев в оценке последствий пребывания среди них «белого» симптоматично: на перепутье двух миров, двух рас свой выбор делают обе стороны. Кровопролитие, завершающее рассказ, закономерно с точки зрения обоснования идеи: путь конфронтации – тупиковый путь, трагичный для обеих рас. Символична смерть Тум, заслонившей собой в бою мужа: оба погибают от *одной* стрелы.

В рассказе «Там, где расходятся пути» герои делают выбор между законами, установленными людьми, и законами «природы человека», которые одинаковы вне зависимости от цвета кожи. Известие о том, что индианка Сипсу должна быть принесена в жертву своим племенем, ставит «белых» героев перед выбором: действительно ли, по ее словам, их «пути теперь расходятся» [3, т. 1, 242] или обретенное чувство близости, невзирая на расовые различия, должно возобладать над чувством самосохранения. Лондон предлагает две различные позиции «белых» людей: Хоз, Верц и Зигмунд выступают против помощи Сипсу, не видя возможности изменить события; Хичкок, «следуя «стихийной силе его предков» [3, т. 1, 242], делает свой выбор в пользу нравственных законов, которые считает справедливыми – помогает Сипсу бежать. Лучшим представителям белой расы (так же, впрочем, как и индейской – примеров тому в рассказах Лондона достаточно) присуще чувство долга. Правильность его выбора подтверждается финалом рассказа: индейцы убивают оставшихся в хижине белых. Пути двух рас не могут «разойтись» в условиях современной истории – эта мысль очевидна для писателя.

Дж. Лондону в «Северных рассказах» важно было показать, что становление цивилизации – это сложный, противоречивый, протяженный во времени процесс. Рассматривая освоение северных земель как естественное продолжение западного фронта, воспетого его предшественниками, он стремится представить анализ экономических, этнографических, культурологических аспектов важной составляющей нового фронта – взаимоотношения двух рас как проблемы цивилизационного развития. Лондон-художник в своем стремлении к объективному изображению исторического процесса, многомерности жизненных явлений во многом выходит за рамки своих подчас достаточно жестких формулировок о специфике межрасовых отношений, звучавших в его частных высказываниях, письмах. Наследуя лучшим романтическим традициям, писатель сумел представить в «Северных рассказах» взгляд на расовый аспект развития цивилизации сквозь призму нравственных приоритетов, доказав, что любой исторический процесс – это, прежде всего, история Человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы. М., 2003.
2. История литературы США / под ред. Я.Н. Засурского и др. Т.4. М., 2003.
3. Лондон Дж. Лондон Д. Собр. соч. в 13 тт. Т.1. М., 1976.
4. Лондон Ч. Жизнь Джека Лондона. Киев, 1992.
5. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2007.
6. Рогалев А.Ф. Имя и образ: Художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках. Гомель, 2007.
7. Auerbuch J. Male call: Becoming Jack London. Durham, 1996.
8. Letters from Jack London. In 3 V. Stanford: Stanford Univ. Press, 1988. P. 1533
9. Lundquist J. Op.cit. P. 91.